

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Костромина

город Санкт-Петербург

22 марта 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.А.Костромина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу гражданин С.А.Костромин оспаривает конституционность следующих положений статьи 107 УПК Российской Федерации:

части первой, согласно которой домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля; с учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение;

части третьей, в силу которой домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 данного Кодекса, с учетом особенностей, определенных его статьей 107.

1.1. Московский районный суд Санкт-Петербурга постановлением от 20 июля 2017 года, с которым согласился суд апелляционной инстанции (постановление от 22 августа 2017 года), удовлетворил ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста С.А.Костромину, обвинявшемуся в невыплате заработной платы на сумму 19 031 131,70 руб. и 10 523 218,77 руб., т.е. в совершении двух преступлений, предусмотренных частью второй статьи 145¹ «Невыплата заработной платы,

пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» УК Российской Федерации, максимальное наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы и которые, соответственно, частью второй статьи 15 данного Кодекса отнесены к преступлениям небольшой тяжести. При этом ему было запрещено без письменного разрешения следователя и суда покидать и менять место фактического проживания, общаться с другими лицами, за исключением близких родственников, получать и отправлять корреспонденцию, в том числе телеграммы, посылки и электронные послания, вести переговоры с использованием любых средств связи, делать сообщения, заявления, обращения, давать комментарии в связи с данным уголовным делом через средства массовой информации и разрешена ежедневная прогулка продолжительностью не более часа в непосредственной близости от места исполнения меры пресечения. 15 сентября 2017 года постановлением того же суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции (постановление от 26 октября 2017 года), срок содержания обвиняемого под домашним арестом был продлен до четырех месяцев – по 17 ноября 2017 года.

9 ноября 2017 года С.А.Костромину было предъявлено в окончательной форме обвинение в совершении трех преступлений, предусмотренных частью второй статьи 145¹ УК Российской Федерации и выразившихся в невыплате заработной платы на сумму 37 232 533,84 руб., 7 281 747,87 руб. и 33 274 297,85 руб., а на следующий день следователь вынес постановление, которым ходатайствовал перед Московским районным судом Санкт-Петербурга о прекращении данного уголовного дела и назначении обвиняемому судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера, поскольку тот полностью погасил задолженность по заработной плате.

Постановлением Московского районного суда Санкт-Петербурга от 9 ноября 2017 года срок содержания С.А.Костромина под домашним арестом продлен до 24 ноября 2017 года. Правомерность решения суда первой инстанции подтверждена апелляционным постановлением Санкт-

Петербургского городского суда от 12 декабря 2017 года. При этом суды отвергли доводы стороны защиты, полагавшей, что с учетом тяжести предъявленного обвинения домашний арест в отношении С.А.Костромина не должен применяться.

Постановлением Московского районного суда Санкт-Петербурга от 22 ноября 2017 года удовлетворено ходатайство стороны защиты об изменении С.А.Костромину меры пресечения в виде домашнего ареста на залог в размере 500 000 руб. (в случае невнесения залога до 23 ноября 2017 года предписано считать срок домашнего ареста продленным на два месяца – по 14 января 2017 года; 22 ноября 2017 года составлен протокол о принятии залога), само же уголовное дело направлено по подсудности мировому судье судебного участка № 59 Санкт-Петербурга.

1.2. Гражданин С.А.Костромин просит признать не соответствующими статьям 22 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации части первую и третью статьи 107 УПК Российской Федерации в той мере, в какой ими допускается избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, при отсутствии условий для избрания в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренных частью первой статьи 108 данного Кодекса, разрешающей применять заключение под стражу в качестве меры пресечения к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, по общему правилу, на срок свыше трех лет.

Как указывает заявитель, оспариваемые им законоположения понимаются судами в соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», согласно пункту 36 которого установленные частью первой статьи 108 УПК Российской Федерации условия, связанные с видом и размером наказания, на домашний арест не распространяются. Такое применение

уголовно-процессуальных норм противоречит, по его мнению, правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлении от 6 декабря 2011 года № 27-П отметил, что домашний арест и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с непосредственным ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, а потому применение этих мер пресечения должно осуществляться с соблюдением гарантий обеспечения данного права, схожих по своим сущностным характеристикам.

1.3. В силу статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, жалоба гражданина в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой и принимается к рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства, если оспариваемые в ней законоположения, примененные в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, затрагивают конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, и если имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Применительно к вопросу о допустимости жалоб граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что рамки его компетенции по рассмотрению таких жалоб предполагают необходимость конституционного судопроизводства в случаях, когда без проверки конституционности оспариваемого закона нарушенные права и свободы не

могут быть восстановлены (определения от 10 ноября 2002 года № 281-О, от 25 декабря 2007 года № 946-О-О и др.). К тому же, разрешая дело, Конституционный Суд Российской Федерации имеет целью защиту конституционных прав не только заявителя, но и неопределенного круга лиц, в отношении которых могут быть применены рассматриваемые нормативные положения, а также защиту основ конституционного строя, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, как того требует статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2012 года № 22-П).

Освобождение С.А.Костромина из-под домашнего ареста под залог (при том что судебные решения об избрании и продлении срока домашнего ареста оставлены без изменения судом апелляционной инстанции, т.е. рассмотрение данного вопроса завершено в суде) само по себе не может расцениваться как восстановление в полной мере предположительно нарушенного права на свободу и личную неприкосновенность и, соответственно, не означает, что его жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации утратила свойство допустимости, поскольку неопределенность относительно конституционности оспариваемых им норм может быть устранена только в рамках конституционного судопроизводства.

Таким образом, части первая и третья статьи 107 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести.

2. Как следует из статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека, воплощает наиболее значимое социальное благо,

которое предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека. Ограничения права на свободу и личную неприкосновенность возможны лишь в определенных Конституцией Российской Федерации целях, в установленном законом порядке, на основе критериев разумности и соразмерности, только если эти ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, не затрагивают само существо данного права и могут быть оправданы публичными интересами, перечисленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства).

По смыслу приведенных положений Конституции Российской Федерации, всякое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры процессуального принуждения либо на основе норм материального права, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения, исходя из его законодательно установленных пределов, притом что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу, которые, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. При этом в силу принципа презумпции невиновности, закрепленного в статье 49 Конституции Российской Федерации, до вступления в законную силу обвинительного приговора подозреваемые и обвиняемые, считающиеся невиновными в совершении

преступления, не должны подвергаться ограничениям, которые в своей совокупности сопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более превышают его (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П и от 16 июля 2015 года № 23-П).

3. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращался к вопросу об обеспечении конституционных прав граждан, содержащихся под домашним арестом, применяемым в качестве меры пресечения по уголовному делу. Признавая в Постановлении от 6 декабря 2011 года № 27-П положения статьи 107 УПК Российской Федерации в первоначальной редакции не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не конкретизировали срок, на который избирается домашний арест, не определяли основания и порядок его продления и не ограничивали предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, Конституционный Суд Российской Федерации исходил в том числе из их нормативного единства с положениями статьи 108 данного Кодекса о мере пресечения в виде заключения под стражу, поскольку согласно части второй статьи 107 УПК Российской Федерации домашний арест в качестве меры пресечения избирался в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 данного Кодекса, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств.

Статья 107 УПК Российской Федерации в ныне действующей редакции, введенной Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ и вступившей в силу с 1 января 2012 года, предусматривает, что домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с

возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля (часть первая); домашний арест избирается на срок до двух месяцев; срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого; в случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей 109 данного Кодекса, с учетом особенностей, определенных его статьей 107 (часть вторая); суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого и фактических обстоятельств при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может ему запретить и (или) ограничить выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает, общение с определенными лицами, отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и сети «Интернет» (часть седьмая); в зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам и (или) ограничениям, перечисленным в части седьмой статьи 107 данного Кодекса, либо некоторым из них (часть восьмая). При этом время домашнего ареста, согласно пункту 2 части десятой статьи 109 УПК Российской Федерации, засчитывается в срок содержания под стражей, а время содержания под стражей, согласно части третьей статьи 72 УК Российской Федерации, в свою очередь, включается в срок уголовного наказания, в частности в срок лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и ареста – из расчета один день за один день.

Таким образом, применение меры пресечения в виде домашнего ареста на основе уголовно-процессуальных норм, как действовавших до 1 января 2012 года, так и действующих в настоящее время, связано с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения трудовых (служебных) обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с

широким кругом лиц, т.е. с ограничением самого конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Соответственно, выраженная в сохраняющем свою силу Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П правовая позиция о необходимости применения таких мер пресечения, как домашний арест и заключение под стражу, с соблюдением предусмотренных Конституцией Российской Федерации гарантий обеспечения данного права, схожих между собою по своим существенным характеристикам, и принципов юридического равенства и формальной определенности правовых норм, справедливости и соразмерности устанавливаемых судом ограничений в полной мере распространяется на решение вопроса об избрании и применении меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести. При этом схожесть указанных конституционных гарантий не означает необходимость идентичности условий применения домашнего ареста и заключения под стражу, поскольку ими по-разному ограничивается право на свободу и личную неприкосновенность.

4. К подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений небольшой тяжести, каковыми признаются умышленные и неосторожные деяния, за которые максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает трех лет лишения свободы (часть вторая статьи 15 УК Российской Федерации), мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена – в силу части первой статьи 108 УПК Российской Федерации – в исключительных случаях при наличии указанных в ней обстоятельств (подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или от суда). Что касается домашнего ареста, то, как следует из пункта 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41, порядок принятия решения об избрании этой меры пресечения аналогичен

предусмотренному статьей 108 УПК Российской Федерации порядку избрания в качестве таковой заключения под стражу, но условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены ее частью первой для применения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены статьей 107 данного Кодекса.

Сама по себе дифференциация мер пресечения, избираемых в отношении подозреваемых и обвиняемых с учетом тяжести выдвинутого подозрения и обвинения, в том числе позволяющая применять домашний арест в уголовных делах о преступлениях небольшой тяжести более широко, чем заключение под стражу, направлена на обеспечение требований справедливости, соразмерности ограничения прав и свобод, соблюдения баланса частных и публичных интересов при производстве по уголовному делу, притом что с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, имеющего целью, как видно из пояснительной записки к его проекту, дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства, ряд преступлений, ранее относившихся к категории средней тяжести, перешли в категорию небольшой тяжести, а также ограничена возможность назначения уголовного наказания в виде лишения свободы лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести (часть первая статьи 56 УК Российской Федерации).

Учитывая, что домашний арест является более гуманной (менее строгой) мерой пресечения по сравнению с заключением под стражу (лицо содержится под домашним арестом в жилом помещении, в котором оно проживает, а не под стражей в специализированном учреждении и, как правило, не изолируется от совместно проживающих с ним лиц; запреты и ограничения, установленные частью седьмой статьи 107 УПК Российской Федерации, могут быть наложены на него как полностью, так и выборочно), и принимая во внимание правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, домашний арест может применяться к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений небольшой тяжести, к которым заключение под стражу обычно неприменимо. Однако

избрание лицу домашнего ареста допустимо лишь при условии обеспечения в конкретном деле соразмерности данной меры пресечения целям ее применения, а значит, по общему правилу, должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы.

4.1. Согласно части первой статьи 56 УК Российской Федерации наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, перечисленных в статье 63 данного Кодекса (за исключением преступлений, предусмотренных частью первой его статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233), или только если соответствующей статьей Особенной части УК Российской Федерации лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

К обстоятельствам, отягчающим наказание, Уголовный кодекс Российской Федерации относит рецидив преступлений; наступление тяжких последствий в результате преступления; совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества (преступной организации); особо активную роль в совершении преступления; привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами, находятся в состоянии опьянения, не достигли возраста уголовной ответственности; совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении социальной группы; совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга; совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от

виновного; совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, мучениями для потерпевшего; совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, с применением физического или психического принуждения; совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий; совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора; совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти; совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел; совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по его воспитанию, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним; совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (часть первая статьи 63).

В силу требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации названные обстоятельства подлежат доказыванию на всем протяжении производства по уголовному делу (пункт 6 части первой статьи 73), они указываются в тексте обвинительного заключения (пункт 7 части первой статьи 220), обвинительного акта (пункт 7 части первой статьи 225) и обвинительного постановления (часть первая статьи 226⁷), а окончательно признаются доказанными судом в приговоре (пункт 6 части первой статьи 299). Хотя до постановления приговора (иного итогового решения по делу) их установление, как и установление других подлежащих доказыванию

обстоятельств, перечисленных в статье 73 данного Кодекса, является предварительным, признаки наличия отягчающих наказание обстоятельств могут быть обнаружены и на той стадии производства по делу, когда решается вопрос о применении меры пресечения. Так, особо активная роль в совершении преступления (пункт «г» части первой статьи 63 УК Российской Федерации) может иметь значение формы соучастия (организатор, исполнитель) и в качестве этого квалифицирующего признака быть неотъемлемой частью подозрения или обвинения; при избрании же меры пресечения, определении ее вида учитываются, помимо оснований для ее применения, также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (статья 99 УПК Российской Федерации).

Следовательно, установленные по уголовному делу отягчающие наказание обстоятельства не могут быть оставлены без внимания при избрании меры пресечения, сопряженной с изоляцией от общества, тем более в случаях, когда с их наличием положения Общей части УК Российской Федерации связывают саму возможность назначения наказания в виде лишения свободы.

4.2. Часть третья статьи 107 УПК Российской Федерации предписывает применять домашний арест в качестве меры пресечения по решению суда в порядке, установленном статьей 108 данного Кодекса, часть третья которой, в свою очередь, требует от должностного лица органа предварительного расследования изложить в постановлении о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения, а также приложить к постановлению материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Это означает, что на такое должностное лицо возлагается обязанность представить достаточные, убедительные *prima facie* (на первый взгляд) доказательства в обоснование допустимости избрания заключения под

стражу (продления срока содержания под стражей), подтверждающие наличие события преступления, его квалификацию, причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению, а равно сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости, сведения о том, совершено ли инкриминируемое преступление в сфере предпринимательской деятельности, о наличии или отсутствии тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей (часть первая¹ статьи 108 и часть первая¹ статьи 110 данного Кодекса), и другие имеющие значение для решения вопроса о мере пресечения сведения, которые, включая обоснованность подозрения, проверяются судом, не входя в обсуждение вопроса о виновности (пункты 2, 7, 8, 13, 25 и 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41).

Принимая во внимание изложенные требования и руководствуясь сохраняющими свою силу правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированными в Постановлении от 6 декабря 2011 года № 27-П, суд, рассматривающий на основании статьи 107 УПК Российской Федерации соответствующее ходатайство должностного лица органа предварительного расследования, учитывает, как того требует статья 99 данного Кодекса, тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства и, не предрешая вопрос о его виновности в совершении преступления, избирает меру пресечения в виде домашнего ареста, устанавливая те или иные ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, или же продлевает срок ее действия лишь при соблюдении конституционных принципов справедливости, презумпции невиновности и соразмерности устанавливаемых ограничений предусмотренному уголовным законом наказанию в виде лишения свободы.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, именно на суд, выносящий постановление об избрании меры пресечения, возлагается обязанность оценить достаточность имеющихся в

деле материалов, подтверждающих ее законность и обоснованность, наличие оснований и условий для ее избрания, а также соразмерность налагаемых ограничений тому наказанию, которое может быть назначено по приговору, имея, однако, в виду, что решением о применении конкретной меры пресечения не предопределяется вывод по основному вопросу уголовного дела – о виновности подсудимого и о его наказании (постановления от 2 июля 1998 года № 20-П и от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 12 июля 2005 года № 330-О, от 26 апреля 2016 года № 713-О и др.).

Из этого следует, что должностное лицо органа предварительного расследования обязано обосновать необходимость избрания домашнего ареста (продления его срока) в деле о преступлении небольшой тяжести, а суд – проверить соблюдение условий и предпосылок для его применения, включая причастность подозреваемого, обвиняемого к совершению преступления, с точки зрения наличия нормативной возможности назначения за соответствующее деяние наказания в виде лишения свободы, если виновность данного лица в его совершении будет подтверждена приговором суда. Иное противоречило бы конституционным принципам справедливости, соразмерности и презумпции невиновности.

Если же представленные суду должностным лицом органа предварительного расследования сведения, послужившие основанием для применения в отношении подозреваемого, обвиняемого домашнего ареста в качестве меры пресечения, на момент принятия такого решения не свидетельствовали о наличии нормативной возможности назначения ему наказания в виде лишения свободы, что было подтверждено ходом дальнейшего рассмотрения уголовного дела, за этим подозреваемым, обвиняемым, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П, может быть признано право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК Российской Федерации, положения которой не исключают возмещение вреда, причиненного незаконным применением к лицу меры пресечения, в случаях, когда органом предварительного

расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого.

В то же время могут иметь место случаи, когда отступление от общего правила применения домашнего ареста лишь при нормативной возможности назначения подозреваемому, обвиняемому наказания в виде лишения свободы допустимо, если оно обусловлено такими обстоятельствами, в которых без использования, по крайней мере, данной меры пресечения задачи уголовного судопроизводства с высокой долей вероятности не будут выполнены. Именно для таких исключительных случаев в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предусматривается возможность применения мер пресечения, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, даже притом что, по общему правилу, оно не допускается. Так, заключение под стражу может быть избрано в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (т.е. тогда, когда данная мера пресечения, по общему правилу, неприменима), при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (часть 1 статьи 108 УПК Российской Федерации). Соответственно, применение домашнего ареста – с учетом более гуманного (менее строгого) характера данной меры пресечения по сравнению с заключением под стражу и с учетом возможности наложения запретов и ограничений, установленных частью седьмой статьи 107 УПК Российской Федерации, не полностью, а выборочно – в тех случаях, когда применение лишения свободы за преступление небольшой тяжести невозможно, но имеются такие исключительные обстоятельства, не противоречило бы его природе.

5. Таким образом, части первая и третья статьи 107 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку

содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, допускается лишь в случае, если за это преступление в соответствии с положениями Общей и Особенной частей УК Российской Федерации, в том числе с частью первой статьи 56 данного Кодекса, в качестве наиболее строгого вида наказания может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных частью первой статьи 108 того же Кодекса исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, при которых домашний арест в принципе может быть применим. При этом судебное решение о применении к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения не предопределяет выводы суда по основному вопросу уголовного дела – о виновности подсудимого и о его наказании.

Федеральный законодатель вправе в рамках предоставленной ему дискреции при регулировании уголовного и уголовно-процессуального законодательства (статья 71, пункт «о», Конституции Российской Федерации) – исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов и принимая во внимание наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации таких альтернативных лишению свободы наказаний, как обязательные работы, ограничение свободы и принудительные работы (статьи 49, 53 и 53¹), – принять меры для дальнейшей дифференциации системы мер пресечения, применяемых при производстве по уголовному делу, с учетом требования соразмерности содержания мер процессуального принуждения тяжести подозрения, обвинения, выраженной в том уголовном наказании, которое в соответствии с законом может быть назначено приговором суда.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать части первую и третью статьи 107 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, допускается лишь в случае, если за это преступление в соответствии с положениями Общей и Особенной частей УК Российской Федерации, в том числе с частью первой его статьи 56, в качестве наиболее строгого вида наказания может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных частью первой статьи 108 того же Кодекса исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, при которых домашний арест в принципе может быть применим.

2. Конституционно-правовой смысл положений частей первой и третьей статьи 107 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Костромина Сергея Анатольевича, если они основаны на положениях частей первой и третьей статьи 107 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 12-П

Конституционный Суд
Российской Федерации